

РЕЖИССЕР **Андрей Могучий:**

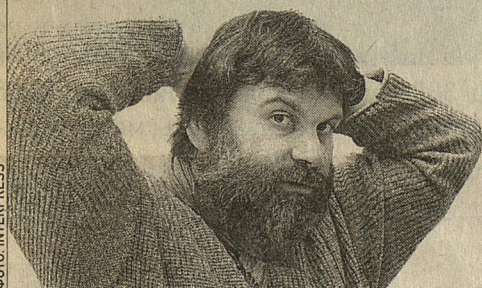
«Я чувствовал себя персонажем «Криминального чтива»»

07.07.06

«Кракатук» **Андрея Могучего** может оказаться для зрителей крепким орешком

В цирковом шапито, раскинувшемся в Музее-заповеднике «Коломенское», начинается показ одного из самых грандиозных отечественных шоу — спектакля **Андрея Могучего** «Кракатук». Оно уже объездило много всяких городов, произвело фурор во Франции и вот, наконец, добралось до Москвы. Многократный лауреат «Золотой маски» **Могучий** один из первых в России начал ставить театрализованные уличные шоу, на которых взрослый человек мог радоваться как ребенок. Идея раскрыть волшебство гофмановской сказки средствами циркового волшебства — из той же серии. С **Андреем Могучим** беседует обозреватель «Известий» **Марина Давыдова**.

Марина Давыдова: Можно я задам сначала примитивный вопрос? Ты имел в виду, что «Кракатук» будет интересно смотреть детям?

Андрей Могучий: О, любимый вопрос! Нет. Не имел.

Давыдова: Да-а-а... А я собиралась с ребенком пойти.

Могучий: Так и пойдешь. На этом самом «Кракатуке» произошла любопытнейшая история. Работаем мы над проектом с чудесным художником **Александром Шишкиным**. Он рисует что-то. И вдруг я чувствую, что теряю с ним контакт. Пациент уходит... Я думаю: да что ж такое? А он говорит: ну там же дети будут, это же детский спектакль. Я в ужасе: с каких бобов мы вдруг делаем детский спектакль? Он: а что, не детский, что ли? Я: да нет же, мы делаем то, что хотим делать исходя из нашего опыта уличного театра, и т.д. Ужасно разозлился, в общем. А потом на шестой или седьмой спектакль к нам валом повалили дети. Мы играли это шоу в питерском цирке Чинезелли. Ну они и пошли в цирк. Им-то наплевать — **Могучий** это или не **Могучий**. Дети ходят в цирк. С родителями. С бабушками. Я испугался, потому что много лет назад дал себе зарок не делать детских спектаклей. Но когда я увидел, как они визжат, радуются и в конце спектакля лезут в пену, я ужасно обрадовался. И мне своих собственных детей потом нестыдно было привести.

Давыдова: Только честно — что подвигло тебя поставить этот спектакль?

Могучий: Честно? Денег хотел заработать. Это был проект, который мы должны были сделать за две-три недели. И это была чужая идея. До меня она дошла в виде конкретного предложения от продюсера, имя которого

Олег Чесноков. Он мне сказал: все почти готово. Музыка написана, костюмы сшиты, танцы **Татьяна Баганова** отрепетировала, декорации есть, цирковые номера тоже. Надо просто все это свести. То есть я должен был стать кризисным менеджером. Помнишь, в «Криминальном чтиве» появляется персонаж (мистер Смит, кажется), который знает, что делать, если что-то случилось. Он приезжает и говорит залитым кровью героям: «Ну, во-первых, умойтесь». Вот и я должен был сыграть роль такого Смита. В результате три недели растянулись на четыре года.

Давыдова: То есть сводить вместе придуманное до тебя гораздо сложнее, чем ставить спектакль?

Могучий: Не сложнее, а невозможно. Просто — НЕВОЗМОЖНО. Потому что профессия режиссера, как выяснилось, все же существует, и он должен сам придумать спектакль, а не складывать чужой паззл.

Давыдова: Иными словами ты мыслил категориями драматического театра?

Могучий: Я не очень понимаю в последнее время, что такое драматический театр. Я мыслил категориями авторского режиссерского театра.

Давыдова: Я имею в виду, что шоу в отличие от драматического спектакля можно делать из разнородных элементов. Потому что главное в шоу — удивить публику. Так или эдак — неважно.

Могучий: Ну да, конечно. У драматического спектакля и шоу разное целеполагание. В первом — создание некоего художественного образа. Во втором — развлечение публики. Это разные векторы. Но вот в чем штука. Я твердо понял: как только у моей бригады появляется желание просто сделать шоу и получить прибыль, у нас заведомо ничего не выходит. Если нет внутренней установки на внятное художественное высказывание, то и денег заработать не удастся. Поэтому мы в результате все равно стали создавать художественный продукт, даже несмотря на то что язык, которым мы пытаемся донести нашу идею, — это язык трюка, аттракциона.

Давыдова: Я не знаю другого режиссера, у которого каждый следующий спектакль был бы так не похож на предыдущий, как у тебя.

Я понимаю более или менее, чего ждать от Гинкаса. Или от Някрошюса. Или от Клима. А от тебя — не понимаю. Это принцип — всегда быть не похожим на самого себя?

Могучий: Я открою страшную тайну. Мне тут недавно сделали гороскоп. Я в это не верю, конечно. Но тем не менее. Сделали и говорят: режиссуры-то у тебя там нет. Ты скорее сочинитель, писатель, но не режиссер. Надо бы посмотреть твои спектакли, говорит астролог, может, это и не спектакли вообще.

Давыдова: А ведь астролог не так уж неправ. В мире сейчас становится все больше сочинительского театра. Не интерпретаторского, а именно сочинительского, когда режиссер сам придумывает сюжеты своих спектаклей. Так поступает **Кристоф Марталер**, так работает **Алан Платель**.

Могучий: У нас и собственная традиция авторского театра имеется. Мы сидим сейчас в Центре Мейерхольда, а кто как не он занимался такого рода театром.

Давыдова: Но он, замечу, тоже был интерпретатором.

Могучий: Не важно. Им культивировалась идея невторичности режиссерской профессии. А мне в институте сразу сказали: у вас, режиссеров, есть один начальник — автор. В общем, режиссер-сочинитель — это наше ноу-хау. А они, на Западе, потом себе просто все присвоили. Молодцы, что скажешь.

Давыдова: И как ты собираешься быть не похожим на себя в дальнейшем?

Могучий: Мне кино сейчас очень хочется снять. Серебренников же снял. Я тоже хочу попробовать.

Давыдова: Не боишься уйти туда навсегда? Кино ведь открывает удивительные возможности.

Могучий: Вот что мне кажется совершенно нелепым — так это предположение, что кино может вытеснить театр. Скорее само кино умрет. Научатся делать каких-нибудь роботов-актеров. И как нельзя уже отличить цифровую музыку от аналоговой, так настоящего артиста сложно будет отличить от кибер-а. Они будут даже лучше казаться. Мой сын привык пить порошковое молоко, так он уже не может пить топленое. Трюк, кстати, тоже моментально тиражируется, множится. Еще недавно было открыто, а уже все в широком доступе.

Давыдова: Как мобильные телефоны. Смотришь на старую модель — и она кажется древнее палки-копалки из археологического музея.

Могучий: А театр — это будет такая эксклюзивная, ручная работа. И никто от нее не откажется. Потому что живой человек в отличие от технологии всегда неожидан и нов.